

Ю. И. Айхенвальд

Бальмонт

Из книги: Силуэты русских писателей. В 3 вып. М., 1906 - 1910; 2-е изд. М., 1908 - 1913.

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/balmont/aihenv_balmont.html.

Творчество Бальмонта в высшей степени неровно. Наряду со стихотворениями, которые пленительны музыкальной гибкостью своих размеров, богатством своей психологической гаммы, от самых нежных оттенков и до страстной энергии, смелостью и свежестью своего идейного содержания, - вы часто находите у него и такие строфы, которые многословны и неприятно шумливы, даже неблагозвучны, которые далеки от поэзии и обнаруживают прорывы и провалы в рассудочную, риторическую прозу. В его книгах вообще очень много лишнего, слишком большое количество слов; необходимо сделать из них отбор, внушить автору правила эстетической экономии; если бы он не был так расточителен и так гостеприимен по отношению к самому себе, это было бы гораздо лучше и для нас, и для него; сокращенный Бальмонт ярче выказал бы свои высокие достоинства.

Шаткость и нецелостность его мастерства объясняется, вероятно, тем, что, в глазах поэта, как он сам говорит в стихотворении "Извив",

...мысли ход живой,
Как очерк тучки кочевой,
Всегда чуть-чуть неверен.
Когда грамматика пьяна
Без нарушенья меры, -
Душа как вихрем взнесена
В те призрачные сферы,
Где в пляске все размеры...

Вот у Бальмонта пьяна не только грамматика, и потому не выдержан строй его капризной лиры: автор пьян словами, охмелел от их звуковой красоты. Он упоенно заслушивается их, он их сплетает в свои любимые "напевности", нанизывает ожерелье красивых или искусственных алитераций, звенит ими, играет - то флейта слышится, то будто фортепьяно... Лютуются водопады и каскады, буйно и гремуче низвергаются с высоты или переходят в "ручеечек, ручеек" и медленными строками замирают в каком-нибудь тихом внутреннем Амстердаме, в элегическом покое затона, и слышишь тогда, как "незримо порывается струна от неба до земли". Или в тоске степей половецких

Звук зурны звенит, звенит, звенит, звенит,
Звон стеблей, ковыль поет, поет, поет,
Серп времен горит, сквозь сон горит, горит,
Слезный стон растет, растет, растет, растет.

Но так как поэзия - нечто другое, чем бальмонтовские литавры, флейты и скрипки, так как слова - не только звуки, то, нашим писателем нередко пренебрегаемые в своей логической природе, в своем идейном естестве, они и мстят за это, создавая что-то невразумительное и необязательное, какое-то случайное сцепление мыслей. Для Бальмонта как будто не важно, ему все равно, что означает слово, какое понятие облекает оно своею фонетической, своей воздушной одеждой. Поэт воздуха, небрежный к смыслу, он беспечно предоставляет содержанию выявлять себя самому, без его писательской помощи, просто из комбинации звуков, которые дадут же, образуют в своем узоре какую-нибудь тему, - не все ли равно какую? Зачарованный словами, загипнотизированный их певучей властью, он пускает поводья и отдается на волю ветра, с которым недаром так часто и восхищенно сравнивает самого себя. "Вольный ветер", он не задумывается над изречением Баратынского, что "бродячий ветер именно "неволен" и что "закон его летучему дыханью положен". Беззаконный, больше в музыке, чем в мысли, рассеивая себя в воздушных струях ветра, Бальмонт как раз оттого превращает свои стихотворения в набор слов. И это определение надо принять не только в его дурном, в его отрицательном смысле, но и в положительном. Ибо набранные слова могут случайно прийти в прекрасные и глубокие сочетания - разве, выражаясь